
**ДЕВЯТЫЕ
ПОЛИВАНОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

II

СМОЛЕНСК 2009

Федеральное агентство по образованию
Смоленский государственный университет

ДЕВЯТЫЕ ПОЛИВАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей
по материалам докладов и сообщений
(Смоленск, 2-3 октября 2009 года)

Часть II

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ.
СЛОВО В ТЕКСТЕ.**

Смоленск
2009

УДК
ББК

81 (063)
81.411.2-03
П 500

П 500

Девятые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Часть II. Общие вопросы языкознания. История языка и диалектология. Слово в тексте. Смоленск, 2-3 октября 2009 года. – Смоленск: СмолГУ, 2009. – 226 с.

ISBN 5-88018-386-8 – продолжающееся издание

Во второй части сборника материалов IX Поливановских чтений помещены статьи, посвященные общим вопросам языкознания, истории и диалектологии славянских языков, различным проблемам текстологии.

Для филологов и широкого круга научной общественности.

Редакционная коллегия:

И.А. Королева	доктор филологических наук (ответственный редактор);
Н.А. Максимчук	доктор филологических наук;
В.С. Ковалева	кандидат филологических наук.

Материалы приводятся в авторской редакции.

Проведение Девятых Поливановских чтений поддержано Российским гуманитарным научным фондом и Администрацией Смоленской области (проект 09 – 04 – 58480 г/Ц)

УДК 81 (063)
ББК 81.411.2-03

ISBN 5-88018-386-8 – продолжающееся издание

© Смоленский государственный университет, 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

- А.В. АВЕРИНА** Полисемия конструкций с семантикой предположения (на материале немецкого языка) 3
- В.П. КРУПЕНЁВА** Структурно-количественные характеристики английских двухкомпонентных терминологических сочетаний лексики компьютерного интерфейса 8
- Л.А. МАНЬКОВА** Иноязычная лексика на страницах отечественных газет: проблемы ее освоения и функционирования 17
- Е.М. МАРКОВА** Явление лексико-семантической консервации в аспекте проблемы эволюции языка 22
- К.В. МЕЛЬНИК** Определение семантико-синтаксического статуса «адъекта» и «конъекта» в системе актантов семантической ситуации (на материале имён деятеля английского языка) 27
- Л.Н. МОРЕВ** О типологической принадлежности тайских языков 30
- О.В. НИКИТИН** Личность в истории языкознания: Василий Евдокимович Адодуров в истории русской грамматической традиции XVIII века 40
- И.Л. ПЕТРОЧЕНКОВА** Хронологические характеристики инструментальных существительных в английском языке 49
- О.Б. ПЕРЕХОД** Семантика цвета («зеленый» и «желтый» в русской языковой картине мира) 54
- А.А. ПОСОХИН** Специфика представления предметного содержания субстантивированными прилагательными и причастиями 61
- Г.Н. СЕРГЕЕВА** Лексикализованные предложно-падежные словоформы в составе именной группы и слова-гибриды 67
- И.С. СИЛЬНИЦКАЯ** Тематические типы объекта сложных социальных существительных со значением деятеля в немецком языке 73

Посохин А.А.

Специфика представления предметного содержания субстантивированными прилагательными и причастиями.

При субстантивном употреблении значения прилагательного и причастия могут самостоятельно представлять предметное содержание, но данное представление отличается от образа, который вызывается значением существительного в любом из его виртуальных смыслов. Так, если за значением существительного стоит целостный образ называемой вещи во всей совокупности присущих ей свойств или качеств, то значения прилагательного и причастия применительно к той же вещи указывает лишь на часть ее образа, которая связана с одним из универсальных свойств или качеств, обнаруживающихся у данной вещи.

В зависимости от того, насколько определяемая прилагательным или причастием часть вещи существенна в восприятии сути описываемой вещи, мы можем, в случае доминирования указанной части, принимать ее за либо целое, либо как универсальную часть ряда вещей, при паритетных отношениях между называемой частью и другими частями называемой вещи. Например, считая в определенной ситуации способность заряжать оружие сущностью какого-либо лица, мы можем определить его по этой способности как «заряжающего». В случае же «заряжающий солдат», причастие *заряжающий* указывает на свойство, которым солдат может обладать, а может и не обладать, так как сущность понятия *солдат* шире, чем только функция «заряжания»; кроме того, указанное свойство воспринимается как универсальное, ввиду приложимости и к другим вещам, например, «заряжающий механизм».

Значение носителя признака, выраженное прилагательными и причастиями, обнаруживает признаки пониженной инициативности, что обусловлено двумя причинами. Во-первых, это неспособность носителя порождать признак, быть причиной представляемого им признака, свойства или каче-

ства; и, во-вторых, являясь лишь частью какой-либо вещи, носитель способен охарактеризовать вещь только с одной из ее сторон и не позволяет сделать вывод о комплексе свойств, которым обладает вещь в целом. Таким образом, в значении прилагательного и причастия выражено представление о носителе признака, о пониженной инициативности носителя и частичности выражаемой субстанции по отношению к целому. Все эти компоненты значения наиболее ярко проявляются у субстантиватов, поскольку при субстантивном использовании прилагательного и причастия в их значении неизбежно реализуется компонент «носитель», ввиду незаменности его значением и смыслом существительного, а это приводит к активизации и остальных компонентов значения – пониженной инициативности и частичности, которые нейтрализуются в случае совместного употребления с определяемым существительным.

Наличие у прилагательного и причастия значения «носитель признака» объясняет их предрасположенность к широкому субстантивному использованию не только окказионально – в рамках уникальной речевой ситуации, но и в типичных условиях общения. Однако использование прилагательных и причастий в качестве имени вещи - процесс не самопроизвольный, а зависящий от определенных условий, которые диктуются своеобразным пониманием характера называемой вещи, и от потребности выразить это своеобразное восприятие вещи.

С точки зрения носителя русского языка, способность вещи выступать в качестве инициатора некоторого исходного действия оказывается различной, иными словами, активность вещей представляется неодинаковой: так одна вещь может самостоятельно быть первопричиной некоего события, другая же обычно лишь вовлекается в это событие, третья способна быть инициатором после воздействия на нее более активной субстанции и т.д.

Как результат разграничения реалий действительности по их обычной способности быть инициаторами исходных действий, в языке существуют различные по форме и значению знаки. В частности, инициатор исходного или побочного действия выражается соответствующей формой существительного. Однако, ввиду того что активность инициаторов оказывается разной, внутри самой категории имени существительного развилась категория рода, которая выражает различную степень активности инициаторов, их виртуальную активность: так за вещами, называемыми существительными мужского рода понимается максимальная степень инициативности, за средним родом стоит представление о наиболее заниженной инициативности, под женским родом понимается нейтральная, промежуточная степень инициативности. Указанное разграничение по степени инициативности усиливается и расширяется средствами категории одушевленности - неодушевленности. Актуальная же инициативность, характер инициативности названной вещи в описываемом событии конкретизируется значением падежного аффикса соответствующего имени.

Таким образом, через свои формы имя существительное способно выразить актуальную и многообразие степеней виртуальной инициативности называемой вещи во всей совокупности ее признаков. Но вместе с тем, при необходимости указать на некоего инициатора, который действует не самостоятельно, а как часть какого-либо более активного целого, существительное оказывается избыточным, так как дает представление о всем комплексе присущих вещи свойств и качеств. Тем не менее, потребность иметь в языке знаки, которые обозначали бы именно такого «неполноценного» инициатора, обусловлена стремлением как можно точнее охарактеризовать всех участников описываемого события не только по степени участия в данном событии, но и с точки зрения их сущности как вещей, их виртуальной событийной инициативности.

Сущность же обсуждаемого класса инициаторов состоит в том, что способность быть инициатором действия проявляется у них только в составе целого, частью которого они являются, в результате этого их инициативность оказывается заниженной, а вне определяющего целого способность быть активным деятелем вообще утрачивается. Таким образом, данный инициатор, действуя в составе целого, представляет не только себя, но и определяющее его целое.

Сама собой напрашивается аналогия описываемого инициатора с понятием носителя признака, о котором мы говорили выше. Сходство это проявляется прежде всего в их отношении к целому, частью которого они являются: и тот и другой выступают как посредники в представлении целого, и тот и другой лишены смысла вне связи с целым. Более того, поскольку выделить «неполноценного» инициатора как часть самостоятельного, активного целого мы можем только через признак, который он представляет в целом, то можно говорить о тождестве инициатора такого рода и носителя признака. Из этого следует, что средства языка, специализирующиеся на выражении значения носителя признака, способны наиболее полно выразить идею об инициаторе как о части от целого.

И действительно, если мы внимательно проанализируем весь состав субстантивов, прилагательных и причастий в роли существительного, который зафиксирован лексикографически, то значение «часть от целого» будет обнаруживаться в каждом отдельном случае субстантивации. При этом в качестве целого выступают наиболее существенные, жизненно необходимые понятия: жилище, пища, социальная группа, человек и др.

Наиболее отчетливо значение «часть от целого» проявляется при сопоставлении существительных и субстантивов, которые могут прилагаться к одной вещи, точнее - к понятию о ней. Так, например, называя человека существительным *мастер*, мы думаем и говорим об этом человеке как об активном, самостоятельно действующем лице; с другой стороны, назы-

вая человека прилагательным *мастеровой*, мы представляем и говорим о нем как о части общего представления о человеке, которому, в частности, присуща и «мастеровитость», как способность делать что-либо руками. Такое однобокое выражение лица приводит и к занижению его инициативности, так как эта инициативность распространяется только в одном направлении - «ручная работа», остальные же направления деятельности оказываются для мастерового как инициатора действия закрытыми.

То же самое можно наблюдать и в паре *комната - ванная (прихожая, столовая)*. Называя какое-либо помещение именем *комната*, мы предполагаем множество функциональных особенностей данной вещи, которое определяется совокупностью всех ее признаков. Когда же мы то же помещение именуем атрибутивным именем *ванная (прихожая, столовая)*, мы говорим о помещении как части жилища; активность ванной по сравнению с комнатой, как и в случае с *мастеровым*, тоже оказывается заниженной, так как функция ванной не распространяется дальше «помещения для мытья».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что весь класс субстантивов поддерживается необходимостью выразить имеющимися средствами языка идею о специфическом характере инициатора действия. Специфика эта заключается в том, что данный инициатор, являясь частью от целого, обладает пониженной инициативностью, так как может распространять свою деятельность только в одном, указанном направлении.

Теперь, имея представление о характере восприятия вещи, называемой субстантивом, мы можем сформулировать условия, при которых прилагательное или причастие способны самостоятельно вызвать представление о вещи.

Во-первых, вещь называемая прилагательным или причастием должна мыслиться как часть целого.

Во-вторых, вещь должна мыслиться как субстанция с пониженной инициативностью в этом целом.

В-третьих, в сознании и говорящего, и слушающего должно присутствовать понятие о целом, частью которого мыслится называемая вещь.

Анализ собранного материала обнаруживает соблюдение перечисленных условий в каждом конкретном случае субстантивного использования прилагательного или причастия и позволяет говорить об объективности выделяемых условий.

Остановимся подробнее на третьем условии субстантивного использования прилагательного или причастия, поскольку выполнение первого и второго обусловлено именно наличием у слушающего и говорящего представления о целом, с частью которого они имеют дело.

Мы уже говорили о том, что в качестве целого выступают наиболее существенные, жизненно важные понятия, с которыми чаще всего сталкивается человек в своей повседневной практике. Очень важно, чтобы перечень таких понятий был ограниченным, легко обозримым, ибо это позволяет слушающему быстро отыскать то включающее понятие, на часть которого намекает говорящий через прилагательное или причастие. Качественный состав такого перечня зависит прежде всего от условий существования как всего народа, так и отдельных коллективов. В пределах относительно замкнутых коллективов этот перечень значительно варьируется: если одно понятие актуально для какой-либо социальной группы, то в условиях существования другой оно оказывается совершенно неактуальным.

Например, члены коллектива, занятые на производстве какой-либо детали, мыслят как единое целое всю технологическую цепочку ее изготовления, и все, связанное с этой цепочкой, воспринимается ими как часть этой цепи. В этой ситуации характеристика лица через признак, указывающий на способ его участия в данной технологической цепи, является

обоснованным приемом (*сварной, крюковой, горновой*), так как значимость лица в данном коллективе ограничивается его функцией в технологической цепи. В это же время, с точки зрения всего народа, то же лицо является частью другого социума - социума людей, занятых в сфере физического труда, и, при характеристике его по причастности к этому социуму, употребление словоформы *рабочий* опять же закономерно. Однако и в том, и в другом случае данное лицо воспринимается как инициатор с пониженной инициативностью, так как деятельность его распространяется только в узком, заданным целым, направлении, и сущность его ограничивается сущностью «винтика» в целостном механизме.

Но здесь важно понимать, что данный способ выражения какой-либо вещи не связан с ее негативной оценкой, с пренебрежительным отношением к ней. Наоборот, в некоторых случаях подчеркивание общности части и целого усиливает значимость и определенность описываемой вещи. В связи с этим В.А.Гиляровский точно подмечает:

« И вдруг:

- Пожарники едут! Пожарники едут! - кричит кучка ребятишек...

Меня, старого москвича и, главное, старого пожарного, резануло это слово. Москва, любовавшаяся своим знаменитым пожарным обозом - сперва на красавцах лошадях, подобранных по мастям, а потом бесшумными автомобилями, сверкающими медными шлемами, - с гордостью говорила:

- Пожарные!

И вдруг: - Пожарники! Что-то мелкое, убогое, обидное...» (В.А.Гиляровский, «Москва и москвичи»).

Для В.А.Гиляровского, как «старого пожарного», который знает пожарное дело не понаслышке, а изнутри, оказывается очень важным понимание и представление «лица действующего на пожаре», не просто как отдельного (пусть и активного) лица, а как части целого - пожарной команды, поскольку успех на пожаре - дело коллективное. Иными словами,

В.А.Гиляровский предпочитает «активному пожарнику», который неизвестно как связан с пожаром, определенного по своей функции «несамостоятельного пожарного».

То же усиление значимости описываемого лица обнаруживается и в самоназвании представителя русского народа - русский, так как за названием русский стоит не только конкретное лицо, но и весь народ, частью которого он является (Ср. *немец, американец, грузин*).

Таким образом, можно говорить о том, что, независимо от различия в качественном составе списков понятий, которые выделяются как наиболее существенные, актуальные для данного коллектива в его специфических условиях деятельности или для всего народа в целом, причина, которая лежит в основе субстантивного употребления прилагательных, причастий, в каждом случае будет одной и той же - как для замкнутого коллектива, так и для всего народа.